

≈ 40 мин

Партизанская война велась в мировой истории множество раз, в разных условиях и с разной целью. В последнее время к ней прибегает авангард народа в народно-освободительной войне, когда выбирается путь иррегулярной вооружённой борьбы с противником, обладающим военным превосходством. Так было в Азии, Африке и Латинской Америке в ходе борьбы за завоевание власти и против феодальной, неокOLONиальной или колониальной эксплуатации. В Европе к партизанской войне прибегали как к вспомогательному средству при боевых действиях регулярных войск — своих собственных или союзных.

В Латинской Америке к партизанской войне обращались при разных обстоятельствах. В качестве относительно недавнего примера можно вспомнить опыт Аугусто Сесара Сандино, сражавшегося с экспедиционным корпусом янки в никарагуанской Сеговии. А позже — недавнюю революционную войну на Кубе. С этого времени проблемы ведения партизанской войны являются предметом теоретической дискуссии прогрессивных партий континента, причём предметом полемики стали и возможность, и целесообразность ведения партизанской борьбы.

Данные заметки являются попыткой изложить наши идеи относительно партизанской войны и верных путей её применения.

Для начала укажем, что эта форма борьбы является всего лишь методом — методом достижения поставленной цели. А необходимой, обязательной целью каждого революционера является завоевание политической власти.

ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО ПРИ АНАЛИЗЕ СИТУАЦИИ В КАЖДОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ СТРАНЕ МЫ ДОЛЖНЫ ИСХОДИТЬ ИЗ ТОГО, ЧТО ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА — ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ОДИН ИЗ РЯДОВЫХ МЕТОДОВ ЗАВОЕВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.

Сразу же возникает вопрос: может ли быть партизанская война единственным методом завоевания политической власти во всех странах Латинской Америки? Или, как минимум, ведущим методом? Или же она будет не более, чем одним из методов борьбы? И, в пределе: применим ли опыт Кубинской революции к реалиям других стран континента?

В ходе развернувшейся полемики тех, кто намерен лично участвовать в партизанской борьбе, обычно критикуют за «пренебрежение» борьбой масс — так, словно одно другому противоречит. Мы отвергаем подобные представления: партизанская война — это народная война, это борьба масс. Пытаться вести войну этого типа без поддержки местного населения значит заранее обречь себя на неизбежное поражение. Партизаны — это боевой авангард народа, оперирующий на определённой территории, авангард вооружённый и готовый путём осуществления серии боевых операций воплотить в жизнь свою стратегическую цель: завоевание власти. Партизаны пользуются поддержкой крестьян и рабочих масс и в зоне своих операций, и в

масштабах всей страны. Без этих предпосылок идти на партизанскую войну нельзя.

Мы считаем, что из опыта кубинской революции следует извлечь три основных урока для революционного движения на латиноамериканском континенте:

1. народные силы могут победить в войне против регулярной армии;
2. не всегда нужно ждать, пока созреют все условия для революции: повстанческий центр может сам их создать;
3. в слаборазвитых странах американского континента вооруженную борьбу нужно вести главным образом в сельской местности.

Эти выводы относительно перспектив развития революционной борьбы в Латинской Америке вполне приложимы к любой стране нашего континента, в которой будет разворачиваться партизанская борьба.

Вторая Гаванская декларация говорит:

«В наших странах слаборазвитая промышленность существует рядом с аграрными порядками, носящими феодальный характер. В силу этого в каких бы тяжёлых условиях ни жили городские рабочие, сельское население существует в условиях несравненно более жестоких эксплуатации и угнетения; при этом оно является, за редким исключением, абсолютным большинством населения, во многих латиноамериканских странах доля сельского населения превышает 70 %.

— Исключая помещиков, часто живущих не в деревне, а в городе,

сельскохозяйственное население добывает средства к существованию подённой работой в поместьях, получая нищенскую плату и обрабатывая землю в условиях эксплуатации, неотличимой от средневековой. В силу этого беднейшие сельскохозяйственные слои в Латинской Америке в потенции являются грандиозной революционной силой.

— Правительственные армии, созданные и обученные для того, чтобы вести „войну по правилам“, и являющиеся силой, на которую опирается власть эксплуататорских классов, оказываются совершенно беспомощными, когда они сталкиваются с иррегулярной крестьянской войной, ведущейся в привычных для крестьян условиях; правительственная армия теряет по 10 солдат на каждого убитого революционного бойца, быстро утрачивает присутствие духа и деморализуется, будучи вынужденной сражаться с противником невидимым и непобедимым, не дающим возможности проявить выученные в академиях тактические приёмы и прочие военные премудрости, столь впечатляющие при подавлении выступлений рабочих и студентов в городах.

— Разрозненные вначале боевые группы постоянно пополняются новыми бойцами, движение масс набирает обороты, старый порядок начинает распадаться — и тогда исход борьбы решается выступлением рабочего класса и городских масс.

— Что же делает эти боевые группы изначально непобедимыми независимо от численности, ресурсов и огневой мощи их противника? Поддержка народа — и именно благодаря поддержке масс боевые группы добиваются всё больших и больших успехов.

— Однако крестьянство является классом, который помещён в условия политической изоляции и оторванности от культуры. Поэтому крестьянство нуждается в политическом руководстве со стороны рабочего класса и революционной интеллигенции, без них крестьянство не способно развернуть борьбу и добиться победы.

— В Латинской Америке в современных исторических условиях национальная буржуазия не может возглавить антифеодальную и антиимпериалистическую борьбу. Этот класс, класс буржуазии, в наших странах, как доказала практика, даже в тех случаях, когда его интересы противоречат интересам империализма янки, не способен ему противостоять, будучи парализован страхом перед возможной социальной революцией и боясь голоса гнева эксплуатируемых масс».

Развивая эти важнейшие для латиноамериканской революционной мысли положения, Вторая Гаванская декларация утверждает далее:

«ВНУТРИ КАЖДОЙ ОТДЕЛЬНОЙ СТРАНЫ СУБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ, ТО ЕСТЬ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИИ, РУКОВОДСТВА, МОГУТ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СВОЕГО РАЗВИТИЯ ЗАМЕДЛЯТЬ ИЛИ УСКОРЯТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС, НО В КОНЦЕ КОНЦОВ ВО ВСЕХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХАХ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ВОЗНИКАЛИ

**ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ,
СКЛАДЫВАЛОСЬ КЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ,
СОЗДАВАЛИСЬ ОРГАНИЗАЦИИ И
ПОЯВЛЯЛОСЬ РУКОВОДСТВО — И
ПРОИСХОДИЛА РЕВОЛЮЦИЯ.**

— Какой характер будет носить революция — характер мирного перехода или же новый мир родится в страданиях — зависит не от революционеров; это зависит от реакционных сил, оказывающих сопротивление рождению нового общества, которое само — плод противоречий, созревающих внутри общества старого. В истории революции играют ту же роль, что и врач, помогающий появлению новой жизни. Революция не прибегает без надобности к использованию силы, но делает это не колеблясь, если требуется облегчить роды. Роды, которые несут угнетённым и эксплуатируемым массам надежду на лучшую жизнь.

— Для многих стран Латинской Америки сегодня революция стала неизбежной. Это не зависит от воли отдельных лиц. Неизбежность революции является следствием ужасающей эксплуатации, которой подвергаются латиноамериканцы, следствием роста революционного самосознания масс, следствием мирового кризиса империализма и следствием развития борьбы угнетённых народов во всем мире».

На этих положениях мы и будем базироваться далее в нашем анализе вопросов

партизанской борьбы в Латинской Америке.

Итак, мы установили, что герилья — это всего лишь один из методов достижения цели. Следовательно, для начала необходимо подвергнуть анализу саму цель и установить, можно ли в какой-либо стране Латинской Америки завоевать политическую власть, не прибегая к вооруженной борьбе.

Мирные формы борьбы могут вылиться в массовое движение, которое заставит — исключительно в ситуации общего кризиса — правительство передать, под неодолимым воздействием событий, власть народным силам, которые затем установят диктатуру пролетариата. Теоретически это возможно. Прилагая изложенные выше положения к Латинской Америке, получаем следующее: на континенте в целом наличествуют объективные условия, которые толкают массы к насильственным действиям против правительств, выражающих классовые интересы буржуазии и землевладельцев, а во многих странах налицо также кризис власти и имеются субъективные условия.

ОЧЕВИДНО, ЧТО В ТАКИХ СТРАНАХ, В КОТОРЫХ УЖЕ НАЛИЦО ВСЕ УСЛОВИЯ — И ОБЪЕКТИВНЫЕ, И СУБЪЕКТИВНЫЕ, — БЫЛО БЫ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ НЕ НАЧИНАТЬ БОРЬБУ ЗА ВЗЯТИЕ ВЛАСТИ. ТАМ ЖЕ, ГДЕ ЭТОГО НЕТ, ВОЗМОЖНЫ АЛЬТЕРНАТИВЫ, И ОПТИМАЛЬНОЕ ДЛЯ КАЖДОЙ КОНКРЕТНОЙ СТРАНЫ РЕШЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НАЙДЕНО

В ХОДЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ.

Единственное, чего история не приемлет, — это теоретиков и практиков политической борьбы пролетариата, допускающих ошибки. Никто не вправе требовать, чтобы ему дали официальное звание авангардной партии, вроде того, как выдаётся диплом об окончании университета. Быть авангардной партией значит: стоять во главе борьбы рабочего класса, вести его к завоеванию власти, не исключая и кратчайший путь. Это и есть миссия наших революционных партий, и чтобы избежать ошибок, наш анализ должен быть глубоким и исчерпывающим.

На сегодняшний день в Латинской Америке сложилась ситуация неустойчивого равновесия между силами олигархических диктатур и давлением народа. Определяя эти диктатуры как олигархические, мы тем самым подчёркиваем реакционный характер альянса буржуазии каждой из стран с классом землевладельцев, в большей или меньшей степени феодальным по своей сути. Эти диктатуры существуют в условиях «законности», которую они сами же и установили, — с тем, чтобы создать оптимальные условия для своего неограниченного классового господства на неопределённое время; однако в ситуации усиливающегося давления народных масс, апеллирующих к буржуазному законодательству, его творцам приходится прибегать к нарушениям закона, дабы сдержать напор масс. Но наглые нарушения существовавших — или введённых позднее, чтобы задним числом оправдать содеянное, — законов способны лишь увеличить давление народных сил. Это приводит олигархические диктатуры к попыткам восстановления старых

законодательных норм — с тем, чтобы изменить конституционное устройство и успешнее подавлять борьбу пролетариата, избегая при этом фронтального классового столкновения. Однако же именно здесь возникает одно противоречие. Народ не согласен терпеть старые формы принуждения — и ещё менее готов терпеть новые, используемые диктатурой. Давайте не забывать, что буржуазное государство имеет характер классовый, авторитарный и охранительный. Ленин так писал об этом:

«Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» («Государство и революция»).

Мы не должны допускать того, чтобы понятие демократии лишалось своей внутренней сути и использовалось для апологетики классовой диктатуры эксплуататоров, приравниваясь к набору нескольких свобод, дарованных гражданам сверху. Борьба за восстановление буржуазной законности, если она не сопряжена с борьбой за установление революционной власти, является всего лишь борьбой за возрождение диктаторских по сути порядков, установленных в прошлом господствующими классами, иначе говоря, борьбой за то, чтобы каторжники остались в цепях, но в цепях, прикованных к не столь тяжёлому ядру, как сейчас.

В ситуации конфликта олигархия нарушает взятые ею на себя обязательства, порывает с видимостью «демократии» — и прямо атакует народ, в то время как

в обычных условиях она предпочитает прибегать к надстроечным инструментам, позволяющим маскировать угнетение. Здесь возникает вопрос: что делать? Мы отвечаем на этот вопрос так: насилие не является привилегией эксплуататоров, эксплуатируемые имеют точно такое же право на него. Более того, в подобные моменты истории эксплуатируемые обязаны прибегнуть к этому праву. Марти сказал:

«Преступник тот, кто разжигает войну, которой можно избежать. И равно преступник тот, кто не содействует началу войны неизбежной».

Ленин писал:

«Социал-демократия никогда не смотрела и не смотрит на войну с сентиментальной точки зрения. Бесповоротно осуждая войну как зверские способы решения споров человечества, социал-демократия знает, что войны неизбежны, пока общество делится на классы, пока существует эксплуатация человека человеком. А для уничтожения этой эксплуатации нам не обойтись без войны, которую начинают всегда и повсюду сами эксплуатирующие, господствующие и угнетающие классы».

Это было написано в 1905 году; позднее, в статье «Военная программа пролетарской революции», глубочайшим образом проанализировав классовую борьбу, Ленин заявит:

«Кто признаёт борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при

известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы. Все великие революции подтверждают это. Отрицать гражданские войны или забывать о них — значило бы впасть в крайний оппортунизм и отречься от социалистической революции».

Говоря иначе, мы не должны бояться насилия — насилие является повивальной бабкой нового общества. Но к насилию следует прибегать только в такие моменты, когда силы, руководящие борьбой народа, поймут, что для этого созрели наиболее благоприятные условия.

Какие именно условия? Субъективные — это два взаимодополняющих и постоянно углубляющихся в ходе борьбы фактора: осознание необходимости революционных перемен и вера в их осуществимость. При соединении с объективными условиями — которые во всей Латинской Америке более чем благоприятны для развития борьбы — эти факторы (при упорстве в достижении поставленной цели и с учётом нового соотношения сил на мировой арене) определяют выбор способа действия.

Как бы далеки ни были от нас социалистические страны, они оказывают благоприятное воздействие на борющиеся народы и являются примером для подражания. В последнюю годовщину дня 26 июля Фидель Кастро говорил:

«Долг революционера, особенно сегодня — осознать, почувствовать, какие изменения в соотношении сил в мире произошли, и понять, насколько эти изменения облегчили борьбу народов. Долг революционеров, латиноамериканских революционеров, не в том, чтобы ждать, когда изменение

соотношения сил чудесным образом породит социальные революции в Латинской Америке, а напротив, в том, чтобы использовать благоприятные изменения в соотношении сил для создания революционных движений и осуществления революций!»

Некоторые говорят:

«Мы согласны, что революционная война является — при определённых условиях — методом завоевания политической власти, но откуда нам взять таких великих руководителей, как Фидель Кастро, которые приведут нас к победе?»

А ведь Фидель Кастро, как и любой другой человек, является продуктом истории. Военные и политические лидеры, руководящие сейчас в Латинской Америке повстанческой борьбой, поголовно вынуждены учиться военному искусству в ходе боевых действий. Нет такой должности или профессии, к которым можно подготовиться исключительно по книгам. Война в этом отношении — величайший учитель.

Понятно, однако, что эта задача непростая, и в ходе её решения возникают серьёзные угрозы.

Применительно к вооружённой борьбе две опасности являются наибольшей угрозой для будущего революции. Первая относится к подготовительному этапу — и от её преодоления зависит степень решимости народных масс и степень успешности осознания ими своих целей. Когда буржуазное государство

разворачивает наступление на позиции народных сил, тем, разумеется, приходится обороняться — и обороняться от превосходящих сил противника. Если наличествует хотя бы минимум необходимых объективных и субъективных условий, сопротивление должно носить вооружённый характер, но при этом народные силы не должны лишь пассивно сдерживать удары врага, а вооружённая оборона не должна превращаться в защиту последнего убежища преследуемых. Герилья в определенные моменты действительно является оборонительным движением народа, но она несёт в себе и постоянно развивает способность к переходу в наступление. Именно эта способность и делает герилью катализатором борьбы народных сил. Говоря иначе, герилья — это не пассивная самооборона, а оборона, переходящая в контрнаступление, поскольку её конечной целью является завоевание политической власти.

Это важный момент. В общественных процессах различие между насилием и ненасилием не может быть выведено из сравнения числа выстрелов, сделанных с обеих сторон; это определяется особенностями конкретной и постоянно меняющейся ситуации. Нельзя упустить момент, когда народные силы начнут осознавать не только свою относительную слабость, но и свою стратегическую силу — и смогут принудить противника к таким действиям, без которых борьба пошла бы на спад. Необходимо силой разрушить равновесие между диктатурой олигархии и давлением народа. Диктатура постоянно стремится избежать слишком откровенного использования силы; если же вынудить её сорвать маску, показать свое подлинное лицо — лицо насильственной диктатуры реакционных классов, это вызовет такое углубление борьбы, которое отрежет путь назад. От того, смогут ли народные силы выполнить эту задачу — заставить диктатуру проявить свою истинную сущность, от того, затормозят или

углубят они тем самым борьбу, и зависит, свершится ли бесповоротный переход к долгосрочным вооружённым действиям.

Возможность избежать второй опасности зависит от способности народных сил обеспечить поступательное развитие революционного процесса. Маркс всегда настаивал на том, что раз революция началась, пролетариат должен наносить врагу всё новые и новые удары. Революция либо непрерывно углубляется, либо отступает. Уставшие бойцы начинают терять веру в победу — и тогда буржуазии вполне может удасться одна из тех её многочисленных уловок, какие она не раз демонстрировала. Это может быть, например, передача власти некоему сеньору с куда более медоточивым голосом и ангельским личиком, чем у действующего диктатора. Или же переворот, который совершают реакционеры, возглавляемые, как правило, военщиной, но поддерживаемые — прямо или косвенно — и прогрессивными силами. Могут быть применены и другие уловки, но исследование тактических приемов противника не является целью данной работы.

Остановимся лишь на такой уловке, как организованный «верхами» военный переворот. Что может дать военщина подлинной демократии? Какой преданности демократии можно ждать от военных, если они являются в чистом виде орудием господства реакционных классов и империалистических монополий и, как каста, обладают общественным весом лишь из-за находящегося в их руках оружия и потому стремятся только к сохранению своего привилегированного положения?

Когда в трудной для угнетателей ситуации военные прибегают к заговору и

свергают фактически уже побеждённого народом диктатора, они это делают потому, что диктатор оказывается более не способен защищать их классовые привилегии, не прибегая к таким исключительным формам насилия, которые в наше время, как правило, уже не соответствуют стратегическим интересам олигархии.

Это, конечно, не значит, что революционеры должны отказываться от привлечения на свою сторону тех кадровых военных, кто в индивидуальном порядке порвал со своей социальной средой и де-факто восстал против неё. Но привлекать их надо при условии их беспрекословного подчинения революционному руководству, по отношению к которому они должны себя вести как рядовые бойцы революции, а не как представители своей касты.

Ещё много лет назад Энгельс в предисловии к третьему изданию «Гражданской войны во Франции» написал:

«...После каждой революции рабочие бывали вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой завоёванной рабочими революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих...»
(цитирую по «Государству и революции» Ленина).

Подобный континуум сменяющих друг друга форм борьбы, приводящих к чисто формальным изменениям при общем стратегическом отступлении трудящихся, уже многие десятилетия наблюдается в капиталистическом мире. Мало того, обман пролетариата в этой области осуществляется раз за разом уже на

протяжении более чем столетия.

Не менее опасно также такое распространённое явление, когда лидеры прогрессивных партий путают понятия (что нередко бывает в горячке борьбы) и, стремясь сохранить — на путях использования отдельных достижений буржуазной законности — благоприятные условия для ведения революционной деятельности, забывают о своей конечной стратегической цели: о захвате власти.

Обеих опасностей, описанных нами выше в самом общем виде, разумеется, можно избежать, если руководящие борьбой марксистско-ленинские партии смогут подвергнуть предельно верному анализу все аспекты ситуации и, максимально мобилизовав массы, направить их на борьбу за разрешение основного противоречия.

Предположим — в развитие темы, — что идея вооружённой борьбы и формула партизанской войны как метода её ведения получат широкое признание. Почему мы считаем, что партизанская война является верным путём борьбы в современных условиях в Латинской Америке? Мы полагаем, что в нашем распоряжении имеются основополагающие аргументы, доказывающие, что именно партизанские действия должны стать наиболее перспективной составляющей освободительной борьбы в Латинской Америке.

Первое. Совершенно очевидно, что противник будет бороться за то, чтобы сохранить свою власть. Следовательно, перед нами встаёт вопрос об уничтожении армии угнетателей, а для этого нужна народная армия. Эта армия не может возникнуть спонтанно и ей придётся вооружаться из арсенала

противника, а это предполагает длительную и тяжёлую борьбу, в ходе которой народные силы и их руководство постоянно будут подвергаться ударам превосходящих сил противника, не располагая к тому же возможностями для адекватного отпора и манёвра.

Но партизанский очаг, созданный на территории, где наличествуют благоприятные для борьбы условия, может обеспечивать безопасность и стабильность революционного руководства. При этом городские партизанские группы, которые также подчиняются главному штабу народной армии, могут проводить крайне важные с военной точки зрения операции. И даже полный разгром этих групп не убьёт душу революции, её руководство, которое, находясь в своей крепости — в сельской местности — по-прежнему сможет и укреплять революционный дух масс, и готовить новые силы для новых боёв.

Помимо прочего, в партизанских зонах начинается создание структур будущего государственного аппарата, задача которого — осуществлять эффективную классовую диктатуру на протяжении всего переходного периода. Чем длительнее окажется период вооружённой борьбы, тем более крупные и сложные проблемы управления будут вынуждены решать руководящие кадры, и опыт решения этих проблем позволит им успешнее подготовиться к разрешению нелёгких задач укрепления власти и экономического развития, которые встанут перед ними на следующем этапе революции.

Второе. Общая ситуация на континенте характеризуется тем, что борьба латиноамериканского крестьянства против феодальных структур и союза местных эксплуататоров с империалистами начинает приобретать всё более

явные черты революционного взрыва.

Вновь обратимся ко Второй Гаванской декларации:

«В начале прошлого века народы Латинской Америки освободились от испанской колониальной зависимости, но не от эксплуатации. Землевладельцы-феодалы встали у руля власти взамен испанских правителей; индейцы так и остались жить в мучительном рабстве; латиноамериканцы в той или иной форме оставались рабами; малейшие надежды народов на изменения к лучшему гибли под гнётом олигархий и игом иностранного капитала. Так обстояли дела во всей Латинской Америке независимо от местных особенностей. Сегодня наш континент порабощён империализмом даже более жестоким, более могущественным и более беспощадным, чем испанский колониальный империализм.

— Латиноамериканская революция стала объективной и исторически неизбежной реальностью. Чем отвечает на это империализм янки? Развязыванием колониальной войны против народов Латинской Америки, созданием — совместно с олигархиями — аппарата подавления, изобретением политических предлогов и псевдозаконных инструментов для подавления огнём и мечом борьбы латиноамериканских народов».

Это — объективная ситуация. Латиноамериканское крестьянство — это огромная (в потенции) сила. Необходимо использовать эту силу для освобождения Латинской Америки.

Третье. Континентальный характер борьбы.

Можем ли мы рассматривать новый этап освободительной борьбы в Латинской Америке как противоборство двух сил, оспаривающих политическую власть в каждой отдельно взятой стране? Такая точка зрения крайне сомнительна. Борьба не на жизнь, а на смерть начинает разворачиваться между всеми народными силами континента и между всеми силами угнетателей. Об этом же говорят и цитировавшиеся выше положения Второй Гаванской декларации.

Вмешательство янки неизбежно — и для защиты их интересов, и в силу той решающей роли, которую играет сегодня борьба в Латинской Америке. Фактически янки уже занимаются подготовкой репрессивных сил и созданием аппарата подавления освободительной борьбы в масштабах всего континента. Но далее янки продолжают эту деятельность со всевозрастающей энергией; они постараются использовать против народных сил все имеющиеся в их распоряжении орудия разрушения, чтобы не позволить укрепиться революционной власти; если же им не удастся воспрепятствовать укреплению революционной власти, они откажутся её признавать, организуют новые нападения, попытаются расколоть силы революции, будут засылать диверсантов и саботажников всех типов, разжигать пограничные конфликты, натравливать на революционную власть соседние реакционные государства, попробуют задушить новое государство экономическими методами, то есть сделают всё для того, чтобы уничтожить революционную власть.

Принимая во внимание сложившуюся в Латинской Америке ситуацию, кажется маловероятным, что победа может быть достигнута и закреплена в одной

отдельно взятой стране. Союзу реакционных сил необходимо противопоставить союз народных сил. Во всех странах, где гнёт становится невыносимым, нужно поднимать знамя восстания — и в силу исторической необходимости это знамя должно стать знаменем континентального восстания. Анды должны стать Сьерра-Маэстрой Латинской Америки, как сказал Фидель, — и всей огромной территории нашего континента суждено стать ареной борьбы не на жизнь, а на смерть с властью империалистов.

Нельзя заранее предсказать, в какой именно момент борьба примет истинно континентальный характер и как долго она будет продолжаться, но мы можем предсказать, как будет выглядеть начало борьбы и её триумфальное завершение, поскольку это определено заранее историческими, экономическими и политическими условиями. Долг революционеров каждой отдельной страны — начать эту борьбу в случае возникновения необходимых условий в их стране, вне зависимости от того, созрели ли условия в других странах континента. Тот вывод, что борьба будет носить континентальный характер, вытекает из общего анализа ситуации и соотношения сил; он обуславливает общую стратегию борьбы, но никак не исключает локальные взрывы. И подобно тому, как начало борьбы в любом уголке одной отдельно взятой страны предполагает со временем распространение борьбы на всю территорию страны, так и начало революционной борьбы в одной стране способствует складыванию новых условий для революции в соседних странах.

В процессе развития революции нормальным является чередование периодов подъёмов и спадов революционной волны, причём подъём революции прямо корреспондирует с отступлением контрреволюции, и наоборот. В периоды

отступления революционной волны положение народных сил становится особенно трудным, поэтому чтобы уменьшить свои потери, народные силы должны переходить к наиболее совершенным методам обороны. Сегодня у них экстраординарно сильный противник — континентальный противник. Поэтому они не могут более ограничиваться только анализом слабостей местной буржуазии и, соответственно, принимать решения в масштабах одной страны. Еще менее обоснованы надежды на заключение союза между вооружённым народом и существующими олигархиями: Кубинская революция прозвучала для них колоколом тревоги. Поляризация сил стремится к пределу: эксплуататоры — с одной стороны, эксплуатируемые — с другой; масса мелкой буржуазии будет примыкать то к одной стороне, то к другой, в зависимости от изменения своих интересов и от успешности обращённой к ней пропаганды; нейтралитет станет редчайшим явлением. Так будет выглядеть революционная война.

Полагаем, что началом её может стать создание партизанского очага. Относительно небольшие группы находят зоны, благоприятствующие ведению в них партизанской войны, — и начинают в этих зонах операции с намерением перейти в наступление либо отвлечь внимание противника. Необходимо чётко усвоить, что в начале своей деятельности партизаны слабы, поэтому первоначально они вынуждены заниматься только следующим: закреплением в зоне операций, изучением местности, установлением контактов с населением и укреплением тех мест, которые, вероятно, станут затем опорными базами.

В этих условиях обеспечить выживание герильи и её пусть медленное, но развитие, позволят три принципа: постоянная мобильность, постоянная осторожность, постоянная бдительность. Без обязательного следования этим

трём элементам военной тактики герилья вряд ли выживет. Надо помнить также, что в эти моменты героизм партизана определяется величию поставленной цели и готовностью принесения каких угодно жертв ради ее достижения. Эти жертвы приносятся не в каждодневных сражениях, не в борьбе с врагом лицом к лицу — и потому партизаны и физически, и духовно переносят их особенно тяжело.

Партизаны постоянно находятся под угрозой жестоких расправ со стороны правительственной армии; нередко оказываются раздробленными на мелкие группы; попадая в плен, подвергаются пыткам; в зонах боевых действий их преследуют как диких зверей; они постоянно боятся, что противник напал на след отряда; они вынуждены никому не доверять, так как крестьяне нередко предают их, чтобы спасти свои деревни от карательных отрядов; единственный выбор для партизан — смерть или победа, причем смерть нередко выглядит в тысячу раз реальнее победы, которая начинает казаться неким мифом, существующем исключительно в мечтах революционеров.

Это и есть партизанский героизм; можно смело сказать, что для партизан передвигаться — значит сражаться, уклоняться от боя с противником — тоже значит сражаться. Если противник обладает значительным военным перевесом, приходится искать такую тактику, которая могла бы обеспечить партизанам относительное превосходство сил в конкретной точке, то есть сосредоточение в ней большего числа бойцов, чем у противника, либо такое их размещение с учетом особенностей местности, что это изменит баланс сил. Именно это и обеспечивает тактические победы; если же нет уверенности, что вы добились относительного превосходства, лучше не ввязываться в бой. Нужно уклоняться

от такого боя, который не приведет к победе, — во всяком случае тогда, когда у вас есть возможность выбора.

Каждый партизанский отряд является лишь частью более широкой военно-политической кампании, он должен расти, крепнуть и создавать опорные базы — важнейшее условие успешной деятельности партизанской армии. Опорные базы — это территория, на которую армия противника может проникнуть лишь ценой больших потерь; бастионы революции, опорные базы являются и убежищем партизан, и местом подготовки партизанского отряда ко все более дерзким и все более глубоким рейдам.

Но этого момента удастся достичь только в том случае, если будут успешно преодолены и тактические, и политические препятствия.

**ПАРТИЗАНЫ НЕ ДОЛЖНЫ ЗАБЫВАТЬ О ТОМ,
ЧТО ОНИ — АВАНГАРД НАРОДА,
ПОЛУЧИВШИЙ ОТ НАРОДА МАНДАТ НА
ВООРУЖЕННУЮ БОРЬБУ, И ПОТОМУ ОНИ
ДОЛЖНЫ СОЗДАВАТЬ ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ
УСЛОВИЯ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАКОЙ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ, КОТОРАЯ
ПОЛЬЗОВАЛАСЬ БЫ ПОДДЕРЖКОЙ МАСС.**

Основные требования крестьянского населения должны быть удовлетворены в

такой максимальной степени, какую только позволят осуществить внешние обстоятельства. Это повысит сплоченность и решимость бороться у всего населения.

Какой бы тяжелой для партизан ни была в первое время военная ситуация, политическая ситуация может оказаться куда более щекотливой — и если одна-единственная военная ошибка способна привести к гибели целого партизанского отряда, то одна-единственная политическая ошибка может затормозить развитие партизанской войны на долгий период.

Борьба носит характер политико-военный, именно так ее следует понимать и именно в таком качестве развивать.

В ходе развития герильи наступает момент, когда деятельность отряда полностью покрывает определенную территорию, более того, численность бойцов и их концентрация в этой зоне становятся даже излишними. Тогда происходит явление, напоминающее роение пчел: пользующийся авторитетом партизанский командир переходит на другую территорию — и там вновь повторяются все этапы развития партизанского отряда. Новый отряд, естественно, продолжает подчиняться центральному командованию.

Нужно специально подчеркнуть, что абсурдно рассчитывать на победу до тех пор, пока не создана народная армия. Партизанские отряды могут расширять зону своих действий — но до определенного предела; народные силы в городах и в других легко доступных для противника зонах могут наносить ему определенный урон; но все это не способно разрушить военный потенциал сил реакции. Надо помнить, что конечным результатом борьбы должно стать

уничтожение противника. Поэтому партизанские отряды, начинающие борьбу во всех новых оперативных зонах, в тылу врага, в главных городах, должны подчиняться единому командованию. И речь идет не о строго иерархическом подчинении (что характерно для регулярных армий), а о подчинении стратегическом. Располагая определенной свободой действий, партизанские отряды обязаны, однако же, выполнять все стратегические указания центрального командования, базирующегося в самой надежной, самой укрепленной из партизанских зон и занимающегося объединением всех народных сил. Разве может существовать другое решение, ведущее к меньшим потерям?

Как правило, партизанская, или освободительная, война в своем развитии проходит последовательно три стадии. Первая — стратегическая оборона, когда партизаны небольшими силами наносят беспокоящие удары («укусы»); партизаны прячутся от противника, но это — не пассивная оборона на ограниченной территории: эта оборона на самом деле представляет собой наступательные операции ограниченного масштаба (поскольку только на такие партизаны тогда и способны). Следующая стадия — стадия равновесия сил, когда оперативные возможности партизан и противника оказываются примерно равны. И последняя стадия — стадия разгрома репрессивных сил, когда происходят крупные решающие сражения и захватываются крупные города, что и приводит к полному уничтожению противника.

После достижения точки равновесия, когда силы обеих сторон оказываются приблизительно равны, партизанская война приобретает новое качество в своем развитии. Партизаны все активнее используют маневр; крупные партизанские

колонны атакуют опорные пункты противника; происходит переход к мобильной войне, которая предполагает переброску на большие расстояния значительного количества живой силы и относительно мощных вооружений. Но поскольку противник сохраняет возможность эффективно сопротивляться и способен контратаковать, эта маневренная война не может еще полностью заменить войну партизанскую. Она остается всего лишь одной из форм боевых операций партизанских отрядов; однако силы партизан растут и в конце концов происходит формирование народной армии. Но даже и на этом этапе партизанские отряды продолжают вести борьбу принципиально партизанскими методами, действуя перед фронтом основных сил противника, уничтожая средства коммуникации, устраивая акции саботажа и таким образом дезорганизуя оборону противника.

Мы предсказывали, что война будет континентальной. Это значит, между прочим, что война будет длительной, будет вестись на многих фронтах, и следовательно, прольется много крови и будет отдано немало жизней. Но активно развивающиеся сегодня в Латинской Америке процессы поляризации сил и то четкое разделение между эксплуататорами и эксплуатируемыми, которое произойдет в ходе будущих революционных войн, неизбежно приведет к тому, что при завоевании вооруженным авангардом народа власти в стране или в странах, где это произойдет, будут уничтожены одновременно все виды угнетения – как со стороны местных эксплуататоров, так и со стороны зарубежных империалистов. Впереди будет первый этап социалистической революции, народы смогут, залечив раны, перейти к построению социализма.

Разве может быть найдено какое-то другое, менее кровопролитное решение?

Немало времени прошло с момента последнего передела мира, когда Соединенные Штаты захватили большую часть нашего континента; сегодня империалисты Старого Света вновь серьезно укрепили свои силы, а европейский Общий рынок даже внушает страх североамериканцам. Это способно породить надежды на то, что можно будет вначале наблюдать со стороны за схваткой между империалистами, чтобы потом, вступив в союз с национальной буржуазией там, где она наиболее сильна, получить какие-то преимущества. Однако, во-первых, пассивная тактика в классовой борьбе и в союзах с буржуазией никогда не приносила добрых плодов, а во-вторых, анализ переходного периода, в котором мы живем, и понимание специфики современности заставляют революционера занять другую позицию. В Латинской Америке основное противоречие капитализма обостряется с такой скоростью, что это искажает «нормальные» противоречия между империалистами, возникающие в ходе традиционной борьбы за рынки.

Подавляющее большинство национальной буржуазии в каждой из латиноамериканских стран уже объединилось с североамериканским империализмом — и поэтому национальная буржуазия должна будет разделить его судьбу. Даже в том случае, когда национальные буржуазии в союзе с европейскими империалистами окажутся вовлечены в противостояние с империализмом североамериканским, этот конфликт будет развиваться в рамках главного конфликта, конфликта между всеми эксплуататорами и всеми эксплуатируемыми. Сегодня поляризация сил противостоящих антагонистических классов опережает развитие противоречий между разными эксплуататорами, противоречий, возникающих из-за дележа прибылей. Осталось два лагеря — и для каждого человека, как и для каждого социального

слюя становится все очевиднее, к какому лагерю примкнуть.

«Союз ради прогресса» — это попытка сдержать то, что сдержать невозможно.

Если же вдруг наступление европейского Общего рынка (или какой-то другой группы империалистов) на американские рынки начнет опережать развитие основного противоречия, нужно будет ввести в образовавшуюся между империалистами трещину – подобно клину – народные массы, и именно народные массы должны будут возглавить борьбу и, используя новых участников этой борьбы, не заблуждаться относительно конечных целей своих союзников.

Нельзя пускать на свои позиции классового врага, нельзя передавать ему оружие и сообщать секреты, если мы не хотим лишиться всего.

Подъем революционной борьбы в Латинской Америке уже начался. Кто будет в центре бури — Венесуэла, Гватемала, Колумбия, Перу, Эквадор...? Не окажутся ли сегодняшние столкновения лишь демонстрацией недовольства, которая не принесет желанных плодов? Результаты сегодняшних столкновений не имеют принципиального значения. Для конечного итога борьбы не важны временные поражения того или иного движения. Главное то, что решимость продолжать борьбу усиливается день ото дня, день ото дня крепнет сознание необходимости революционных перемен и убежденность в их осуществимости.

Так выглядит наш прогноз. Мы выступаем с ним, убеждённые, что история подтвердит нашу правоту. Анализ объективных и субъективных факторов как в Латинской Америке, так и во всём империалистическом мире внушает нам

уверенность в правильности наших выводов, которые основаны также и на Второй Гаванской декларации.

1963

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.